

ПЕРЕХОД К СЕТЕВОМУ ПРАВУ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ КАК ВЕЛЕНИЕ ВРЕМЕНИ

© 2012 г. Леонид Викторович Голоскоков¹

Краткая аннотация: статья рассматривает актуальные проблемы формирования сетевого права.

Annotation: this paper considers the topical problems of making of the network law.

Ключевые слова: сетевое право, автоматизация правотворческих процессов, автоматизация правореализационных процессов, правовое регулирование в режиме реального времени.

Key words: network law, automation of law-making, automation of law implementation, legal regulation in the real time mode.

Динамика современной жизни и постоянно возникающие кризисы требуют более эффективных инструментов правового управления, позволяющих не только адекватно реагировать на разные события *post factum*, но и регулировать некоторые общественные отношения в режиме реального времени. Появление глобальной сетевой экономики и почти полное отсутствие развития сетевых аспектов права говорит об отставании правовой науки от потребностей времени и утрате ею модернизационного потенциала.

Правотворческий, правореализационный процессы и традиционная правовая коммуникация продолжают основываться на бумажных технологиях, когда закон создаётся длительное время, а субъекты права должны купить его текст, прочитать, понять и применить. Эти технологии приводят к запаздыванию появления законов, и уже только поэтому точное исполнение закона становится событием со всё более низкой вероятностью.

Ряд проблем права обусловлен его информационными компонентами: растущие объём, сложность, изменчивость и противоречивость законодательства, отсутствие механизмов обратной связи. В то же время новые многообразные сетевые процессы, хотя и имеют отчасти информационную природу (как и всё остальное вокруг нас), но не объясняются и не регулируются одним информационным правом, поскольку оно не даёт понимания, что такое сети, как они соотносятся с правом, как и когда они нуждаются в регулировании.

Постижение сущности права происходило в ходе разработки разных теорий: нормативистской, позитивистской, психологической и др. Каждая из них открывала свою грань феномена права. В одной из последних таких концепций – информационном праве – был использован информационный подход, что было обосновано возрастанием роли информации во всех сферах жизни. Не умаляя значения всех предыдущих концепций, мы должны увидеть феномен права через призму новых явлений, которые имеют сетевой характер, поскольку сети пронизали современное государство, общество и мир так сильно, что не замечать их уже нельзя, как нельзя их объяснить в рамках прежних теорий.

Профессор И.Л. Бачило более 10 лет назад обратила внимание на то, что «теория сетей привлекает всё большее внимание. Конференция Европейской группы административных наук, собиравшаяся в сентябре 2001 г., проблему “теории сетей” ставит в основу рассмотрения многих проблем публичного управления»². В настоящее время разработка сетевых аспектов права стала важнейшей задачей, поскольку в сетевой бизнес вовлечены миллионы людей, в нём оборачиваются капиталы в миллиарды долларов, но отрасли российского права регулируют эти процессы лишь фрагментарно, в малой степени или не регулируют вообще. Другие науки (например, экономика, социология, философия) также активно изучают феномен сетей, защищены диссертации, имеющие в своём названии такие понятия, как “сетевые стратегии консолидации капитала”³,

¹ Заведующий кафедрой финансового и бюджетного права Академии бюджета и казначейства Министерства финансов России, доктор юридических наук, доцент (E-mail: goloskokov@abik.ru).

² Бачило И.Л. Информационное право: основы практической информатики. М., 2001. С. 4, 5.

³ Буряков Г.А. Реализация сетевых стратегий консолидации капитала национального финансового сектора. Дисс. ... доктора экон. наук. Ростов-н/Д., 2007.

“сетевой менеджмент”⁴, “сетевые структуры”⁵, “сетевые компании”⁶, “сетевой бизнес”⁷, “сетевое управление”⁸, “сетевые технологии”⁹, “сетевые предпринимательские структуры”¹⁰, “сетевая экономика”¹¹, “сетевое научное сообщество”¹², “сетевые отношения”¹³, “сетевые сообщества”¹⁴, “сетевые коммуникации”¹⁵. Правовая наука не должна оставаться в стороне от исследования этих глобальных процессов.

В российском законодательстве понятие “сеть” применялось только для обозначения сети Интернет, а также сетей связи, телефонных, электрических, газораспределительных, тепловых, инженерных, информационно-телекоммуникационных¹⁶. Позднейшие нормативные правовые акты показали и другое понимание сети: сеть федеральных университетов¹⁷, национальная на-

нотехнологическая сеть¹⁸, сеть центров коллективного пользования научным оборудованием¹⁹. Президент РФ Д.А. Медведев говорит о модернизации сети оказания услуг гражданам за счёт бюджетных средств, реструктуризации бюджетной сети²⁰. Государственная программа Российской Федерации “Информационное общество (2011–2020 годы)” ставит задачу формирования “ сетевого общества”²¹. Однако всё это пока слабо отражает многоликий феномен сетей: правовое понятие сетей не определено, свойства сетевых структур как объектов правового регулирования не исследованы, хотя очевидно, что при большом количестве элементов внутри некоторых структур их количество в какой-то момент придаёт им новое качество, их поведение начинает сильно влиять на рынок, цены, конкуренцию и др.

В российских сетях MLM-компаний (многоуровневого маркетинга) работают миллионы людей, но правовых средств, позволяющих регулировать эти процессы, не хватает ни в гражданском, ни в налоговом, ни в информационном, ни в трудовом праве, в результате чего граждане – участники таких видов бизнеса работают без заключения гражданско-правовых и трудовых договоров, не всегда платят налоги, имеют место нарушения их прав в области социального обеспечения. Эти явления носят массовый характер. Данную проблему нельзя объяснить недосмотром контролирующих органов, которые не располагают информацией о процессах, происходящих внутри таких сетей. Поэтому указанные сети во многих аспектах работают вне правового поля.

Уголовно-правовой сфере также присуще новое понимание значения сетевых феноменов. Так, М.Р. Юсупов и А.Я. Минин отмечают, что “сетевая коррупция протекает в рамках коррупционной сети, что позволяет институционализировать процедуры. Она является организованной институциональной коррупцией регулярного, постоянно

⁴ Симагина С.Г. Сетевой и межсетевой менеджмент при нестабильном взаимодействии организаций (Теория, методология, практика). Дисс. ... доктора экон. наук. М., 2008.

⁵ Чернова Д.В. Стратегическая логистика сетевых структур (На примере строительного комплекса России). Дисс. ... доктора экон. наук. Самара, 2006.

⁶ Милова О.А. Управление развитием сетевых торговых компаний. Дисс. ... канд. экон. наук. М., 2005.

⁷ Бережкова Е.П. Развитие сетевого бизнеса в платном секторе сферы услуг. Дисс. ... канд. экон. наук. М., 2007.

⁸ Жмуров Д.А. Сетевое управление развитием комплекса отечественных предприятий. Дисс. ... канд. экон. наук. М., 2007.

⁹ Сергеев А.В. Управление системой поддержки продукции организации на основе комплексного использования сетевых технологий. Дисс. ... канд. экон. наук. М., 2001.

¹⁰ Олейник Н.М. Обеспечение конкурентоспособности сетевых предпринимательских структур на основе организационных нововведений. Дисс. ... канд. экон. наук. СПб., 2008.

¹¹ Юнусов А.М. Теоретические основы формирования и становления сетевой экономики в России. Дисс. ... канд. экон. наук. М., 2008.

¹² Сафронова М.В. Коммуникативная активность сетевого научного сообщества в условиях становления информационного общества в России. Дисс. ... канд. соц. наук. М., 2006.

¹³ Габышева Л.К. Реконструкция сетевых отношений в хозяйственной деятельности предприятий. Дисс. ... канд. соц. наук. Тюмень, 2006.

¹⁴ Тальнишних Н.К. Культура “сетевых сообществ”. Дисс. ... канд. филос. наук. Ростов-н/Д., 2004.

¹⁵ Волошин Е.В. Сетевая коммуникация как фактор формирования интеллектуального капитала. Дисс. ... канд. филос. наук. М., 2006.

¹⁶ См.: Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации” от 27 июля 2006 г. // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (Ч. 1). Ст. 3448.

¹⁷ См.: Указ Президента РФ “О федеральных университетах” от 7 мая 2008 г. // Собрание законодательства РФ. 2008. № 19. Ст. 2118.

¹⁸ См.: Постановление Правительства РФ “О национальной нанотехнологической сети” от 23 апреля 2010 г. // Собрание законодательства РФ. 2010. № 18. Ст. 2250.

¹⁹ См.: Постановление Правительства РФ «О Федеральной целевой программе “Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса России на 2007–2012 годы”» от 17 октября 2006 г. // Собрание законодательства РФ. 2006. № 44. Ст. 4589.

²⁰ См.: Бюджетное послание Президента РФ Федеральному Собранию “О бюджетной политике в 2010–2012 годах” от 25 мая 2009 г. // Парламентская газ. 2009. № 28.

²¹ См.: Распоряжение Правительства РФ “О государственной программе Российской Федерации “Информационное общество (2011–2020 годы)”» от 20 октября 2010 г. // Собрание законодательства РФ. 2010. № 46. Ст. 6026.

осуществляемого экономического, политического или социального обмена”²². Такой взгляд объясняет, почему способы борьбы с коррупцией, не учитывающие её сетевого характера, терпели неудачу, и даёт понять, что борьба с сетевым явлением должна использовать сетевые методы.

Наши исследования показали, что наибольшие результаты применения теории сетевого права²³ возможны в финансовом праве, однако максимальный эффект достижим при комплексном использовании её методов и принципов во многих отраслях права. В частности, ещё в 2004 г. предлагались сетевые методы борьбы с коррупцией и терроризмом²⁴. В настоящее время М.Р. Юсупов и А.Я. Минин пришли к аналогичным выводам.

Развитие сетевой экономики также потребовало ответа на вопрос: каким должно быть право, чтобы оно могло эффективно регулировать общественные отношения в киберпространстве? Мы предположили, что они должны регулироваться сетевым правом, описанным в виде теории, часть которой начала реализовываться в России посредством универсальных электронных карт²⁵. Это доказывает, что теория сетевого права оказалась верной.

Заметим, что теория сетевого права предложила в качестве средства, которое будет обеспечивать правовую коммуникацию, не карту, являющуюся пассивным инструментом, а персональный терминал, который обеспечит хранение и обработку информации, взаимодействие со своим владельцем, а также с иными субъектами права в сети в реальном режиме времени, т.е. будет активным инструментом, используемым в том числе дома, в дороге да и где угодно для прямой и обратной правовой связи с государством и его структурами. Универсальная электронная карта (УЭК) привязана к стационарным терминалам, которые будут иметь размеры, вес и стоимость, аналогичные банкоматам, а это уход от динамизма, миниатюризации (что равнозначно экономии), функцио-

нальности и возможностей быстрой модернизации системы, включая право. Если же учесть предложенный для УЭК вариант использования персональных “ридеров”, в которые можно будет вставлять электронную карту, чтобы пользоваться ею дома и в любом другом месте, то получается тот же самый предложенный нами персональный переносной терминал (метапаспорт).

Однако дело всё же не в технических деталях исполнения отдельных устройств, а в их функциях и возможностях реализовать теорию сетевого права, содержащую принципы и методы, которые способны обеспечить информационную модернизацию права. Именно эта часть осталась не осмысленной властями и не была включена в государственную программу “Информационное общество (2011–2020 годы)”, в частности идеи о правовом регулировании в режиме реального времени²⁶, которые можно наиболее быстро и с максимальной эффективностью реализовать в финансовом и налоговом праве.

Разработка понятия сетевого права, формулирование его принципов позволяют через категории теоретико-правовой науки увидеть в феномене права его коммуникативную, сетевую структуру и найти те абстрактно-теоретические правовые отношения между субъектами, которые, как и раньше, могут быть нарушены волей субъекта (или незнанием норм, или иными причинами), но которые с помощью средств ИКТ могут быть сделаны устойчивыми к таким возмущающим факторам, как забывчивость, незнание норм права или их неправильное понимание и применение, сознательное уклонение от исполнения императивных правовых предписаний. Устойчивости можно достигнуть автоматизацией реализации многих норм права в рамках модели сетевого права. Поэтому необходимо брать курс от электронной универсальной карты к развитию системы, которую предлагает теория сетевого права, ибо она имеет на порядок больше возможностей, является гибкой и легко модернизируемой.

Что предлагала наука информационного права, которая не учитывала наличия и специфики сетевых феноменов? Концепция развития информационного законодательства в Российской Федерации определяла информационную функцию через основные направления её реализации, в частности: сбор, обработка, охрана и защита информации, необходимой для реализации функций государ-

²² Юсупов М.Р., Минин А.Я. Противодействие коррупции институтами гражданского общества // Методология и организационно-правовые аспекты поддержки на общественных началах в сфере предпринимательства / Под ред. А.Я. Минина. М., 2009. С. 183.

²³ См.: Голоскоков Л.В. Теория сетевого права / Под науч. ред. А.В. Малько. СПб., 2006.

²⁴ См.: Голоскоков Л.В. Регулирование баланса интересов личности и государства: информационно-правовые аспекты // “Чёрные дыры” в рос. законодательстве. 2004. № 2. С. 59.

²⁵ См.: Федеральный закон “Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг” от 27 июля 2010 г. // Собрание законодательства РФ. 2010. № 31. Ст. 4179.

²⁶ См., например: Голоскоков Л.В. Перспективы решения проблем сбора налогов методами сетевого права // Финансовый журнал. 2010. № 3. С. 127–136.

ства, информационный обмен между органами государственной власти; использование информации во внутренних интересах государства; переработка информации и создание новой²⁷. Однако само право не подвергается модернизации лишь от того, что нормы права стало удобно хранить, перерабатывать и передавать. Информационная функция в представленных направлениях не задавала теории права и отраслевым правовым наукам направление на исследование сетевых явлений реального мира, поэтому они не выработали соответствующих понятий, не изучали вопроса о правовом регулировании сетевых явлений, процессов, структур, которые фактически находятся по большей части вне правового поля конкретных отраслей права. Сетевое право учитывает эти феномены.

Под сетевым правом понимается право, которое должно регулировать общественные отношения в электронных сетях различных видов и/или с помощью электронных сетей, поскольку такие общественные отношения чаще всего могут иметь свои особенности: высокая скорость протекания правовых процессов и процедур, исключительно адресное применение отдельных норм права в отношении конкретных субъектов права в сети, где незарегистрированных субъектов быть не может, возможность правового регулирования некоторых правоотношений в режиме реального времени на основе мгновенной действующей правовой обратной связи, упреждающей правовое регулирование. Сетевое право должно закрепить правовое содержание построения и функционирования сети, объединяющей всех лиц, государство и его органы в единую структуру, в которой каждый субъект права будет находиться на прямой, мгновенно действующей правовой связи с государством. Причём это взаимодействие должно производиться в режиме реального времени, а также иметь мгновенно действующую обратную правовую связь.

Сегодня законы разрабатываются без учёта теории сетевого права, предполагающей необходимость автоматизации правотворческих и правореализационных механизмов, и это — беда практики, теории права как науки и отраслевых наук права, когда в учебниках по теории права

современные ИКТ почти не упоминаются, а на практике не используются в должной мере. Законодатель принимает законы, находясь во власти парадигмы прошлых веков, когда законов было мало, менялись они редко, действовали долго, и он продолжает до сих пор считать, что законы обязаны знать все, а незнание закона не освобождает от ответственности. Эта презумпция давно разошлась с реалиями, и отсюда возникает необходимость в сетевом праве, которое является механизмом для решения части проблем сложности, изменчивости, противоречивости законов и проблем правореализации.

Цели сетевого права состоят также в усилении коммуникативной функции права, нахождении методов правового регулирования в режиме реального времени развивающихся в киберпространстве общественных отношений. Темпы развития ИКТ намного выше скорости восприятия правом новых технологий, в то время как другие области человеческой деятельности без ИКТ уже не мыслятся и, как правило, быстро используют их последние достижения, получая каждый раз мощный импульс развития. Не должно выпасть из общей логики развития и право. Следовательно, возникает необходимость ускорения использования правом технологий для обретения им нового качества — способности регулировать общественные отношения чрезвычайно быстро, а иногда даже упреждающим образом.

Приближение нынешнего права к его сетевому облику может проходить путём модернизации формы и содержания (сущности) права. Для модернизации формы права можно использовать следующие методы: 1) разделение нормативных правовых актов по формам их представления — на бумажную и электронную с постепенным переходом к электронной форме как к основной; 2) введение единого формата текста законов (и нормативных правовых актов) в обеих формах с унификацией названий их частей и нумерацией в электронной форме каждого абзаца, строки текста, символа; 3) файловое представление текста закона, при котором каждому логическому высказыванию будет соответствовать сегмент текста, представленный в электронной форме в виде файла с уникальным номером в правовой электронной базе данных; применение гиперссылок для указания скрытых отсылок, расшифровки терминов, отсылок к судебным актам, научным статьям, комментариям и т.д.; 4) помещение в электронный текст закона сведений о его лоббистах, авторах и принадлежности тех или иных частей текста конкретному автору (эти данные, а

²⁷ См.: Концепция развития информационного законодательства в Российской Федерации (Подготовлена сектором информационного права Института государства и права РАН в составе: И.Л. Бачило (зав. сектором), А.А. Антопольский, Г.В. Белов, А.К. Жарова, В.Н. Монахов, С.В. Петровский, С.И. Семилетов, Л.А. Сергиенко, Э.В. Талапина) // Гос. и право. 2005. № 7. С. 49.

также история создания и изменения закона должны быть видны в специальном режиме просмотра электронного варианта закона), что повысит ответственность его авторов и будет стимулировать их стать соавторами закона.

Для информационной модернизации содержания (сущности) права необходимо использовать иные методы, хотя разделение права на его внешние формы и сущностную характеристику весьма условно: 1) глубокая интеграция ИКТ и права; 2) автоматизация анализа правовых норм и правотворчества; 3) автоматизация правореализационных процессов; 4) комплексная автоматизация и визуализация правотворческих и правореализационных процессов и правовое регулирование в режиме реального времени; 5) переход от использования в правоотношениях бумажных технологий к электронным – сетевому дистанционному взаимодействию субъектов права; 6) развитие процессуального права путём создания юридико-технологических механизмов, обеспечивающих автоматизацию реализации процессуальных норм и процедур, которые должны во всех возможных случаях изначально создаваться (или постепенно модернизироваться) с ориентацией не на бумажные, а на электронные технологии и на сетевые, дистанционные автоматизированные правоотношения, которые должны обеспечиваться информационными программами (и-роботами). Пример простейшего и-робота – поисковая программа в справочно-правовой системе (СПС); 7) интеграция права и правовых регулирующих механизмов с различными электронными сетями с целью охвата правовым регулированием тех общественных отношений, которые в этом нуждаются.

Необходимо также реализовать правовую идею электронного паспорта (авторское название – “метапаспорт”, однако дело не в названии, оно может быть каким угодно, а в сути процессов), который, в отличие от УЭК, позволит обеспечить: 1) создание сетевой правовой коммуникации личности и государства с мгновенно действующей прямой и обратной правовой связью; 2) оперативное правовое регулирование в режиме реального времени (для некоторых видов правоотношений); 3) полный переход на электронные деньги. Логика развития ИКТ такова, что паспорт неизбежно пройдёт следующие этапы: бумажная форма, бумажный паспорт с микрочипом и биометрический паспорт, а затем станет электронным устройством, заменяющим все иные документы и идентификаторы лица и способным обеспечить осуществление расчётов по сделкам, автоматическое исчисление и перечисление в бюджет нало-

гов с каждой совершаемой лицом сделки, учитывая статус лица и полагающиеся ему налоговые вычеты, компенсации и т.п. Далее его необходимо сделать инструментом сетевой правовой коммуникации, т.е. средством реализации идей сетевого права, узлом правовой сети для физических лиц и организаций.

Универсальная электронная карта не рассчитана на решение таких задач, поскольку не имеет панели управления и не может обрабатывать в реальном времени информацию, поступающую из сети, и выдавать её обратно в сеть различным органам для мгновенного взаимодействия в текущей ситуации, а не тогда, когда владелец карты сможет прийти к стационарному терминалу. Президент РФ Д.А. Медведев предостерег исполнителей проекта, чтобы очереди за бумагами в разные органы не сменились очередями к терминалам. Даже банковская система России не покрывает банкоматами всей территории страны, а это означает, что “железа” нужно будет много, и неизвестно, будут ли эти стационарные терминалы настолько универсальны, чтобы при смене идеологии УЭК быстро поменять свою электронную начинку на обслуживание по новым видам сервисов, стандартам, которые неизбежно будут изменяться.

Эти проблемы в теории сетевого права решены тем, что терминал должен быть персональным. Суть его в том, что он будет представлять собой компьютер (сотовый телефон, коммуникатор) с процессором, способным решать современные и будущие задачи за счет того, что государство будет дополнять компьютерные программы так же, как разработчики программного обеспечения автоматически обновляют их через сеть. Этот терминал должно выдать гражданину государство. За плату, бесплатно или за часть платы от его себестоимости – это другой вопрос, выходящий за рамки права, однако заметим, что стоимость 10-летнего загранпаспорта уже больше, чем стоимость многих моделей сотовых телефонов. Поэтому если государство будет производить терминалы на собственной базе партиями в десятки миллионов экземпляров, то себестоимость изделия будет вполне приемлемой.

Несмотря ни на что, процесс пошёл и наблюдается в разных странах, в том числе и в России. Карточки типа “социальной карты москвича”, электронный и биометрический паспорта, УЭК – все они просматриваются сквозь призму нашей концепции лишь элементами метапаспорта, суть которого, как это и определяется приставкой мета “(от греч. *metá* – между, после, через), часть

сложных слов, обозначающая промежуточность, следование за ч.-л., переход к ч.-л. другому, перемену состояния, превращение...²⁸, должна заключаться также в необходимости постоянного наращивания его функций и возможностей, что нужно осуществлять путём непрерывной модернизации государством его правовой, технической и программной компонент. Концепция УЭК не допускает её модернизации в таком объёме и с необходимой скоростью и не содержит главной идеи теории сетевого права – правового регулирования в режиме реального времени. Оно возможно, если центр управления (государство или его специальный “независимый орган”) для оперативного правового регулирования будет, например, постепенно, плавно и непрерывно изменять (когда это нужно) налоговые ставки отдельных оборотных налогов, передавать их по сети на терминалы субъектов права, а налоги – удерживаться при совершении сделок. Есть много иных норм, элементы которых имеют числовое выражение и которые можно будет оперативно изменять, быстро реализовывать их новые значения автоматизированным образом: ставка рефинансирования ЦБ РФ, ставки пошлин, МРОТ, базовая часть трудовой пенсии, критерии определения цен товаров для целей налогообложения и др.

Идея метаспорта состоит не в создании какого-то технического устройства, а в сопряжении права с ИКТ, традиционной правовой сети – с электронными и прочими сетями для реализации правового регулирования в реальном времени. Однако проблема в том, что некоторые появляющиеся функции метаспорта реализуются разными ведомствами, бессистемно, без использования теории сетевого права, связывающей воедино массу возможностей, которые могут дать синергетический эффект, если будут реализовываться комплексно из единого центра. Поэтому одной из функций государства должно стать формирование сетевого права, которое за счёт применения ИКТ позволит: 1) расширить сферу права, где будет возможно существование автоматизированных сетевых правоотношений; 2) увеличить степень автоматизации правотворческих и правореализационных процессов; 3) частично делегировать полномочия оперативного правового регулирования с законодательного уровня специально созданному “независимому органу” с одновременной автоматизацией правотворческих и правореализационных процессов. Функцией сетевого государства будет также формирование

“независимого органа”, который должен осуществлять оперативное правовое регулирование быстротекущих экономических, финансовых, налоговых, таможенных, миграционных и других процессов; плавную и непрерывную корректировку экономического курса государства и решение таких стратегических задач, как управление экономикой страны в условиях действия различных международных и внутренних факторов. Такой орган должен обеспечить активное и круглосуточное взаимодействие науки и управленческой практики в реальном времени, что означает необходимость разделения правотворчества на разные уровни и его дифференциацию на:

1) стратегическое, когда поправки в Конституцию и другие фундаментальные законы могут формироваться многие годы;

2) среднесрочное, которое мы видим в нынешней российской системе нормотворчества;

3) краткосрочное (оперативное), когда нельзя медлить в правовом управлении ни дня, ни часа, а в ситуациях кризиса – ни минуты.

Для последнего варианта больше всего и нужен орган, законодательно обеспеченный необходимой независимостью для принятия мгновенных управленческих решений в масштабах всей страны. На нынешней стадии предложения создания такого органа не так важно, насколько он вписывается в нормы Конституции РФ, будет ли он создан заново или на основе существующих органов. Важны его новые функции оперативного правового регулирования.

Для осмысления феномена сетевой экономики К. Келли разработал принципы таковой²⁹. В области права нам удалось сформулировать 14 принципов сетевого права³⁰. Возможно, в последующем они могут быть дополнены как по количеству, так и содержательно. В ходе формирования теории сетевого права хотелось бы уйти от неконструктивного вопроса, которому отечественные правоведы традиционно уделяют излишнее внимание. Это – вопрос об отрасли права, о предмете, методе и об отграничении от других отраслей, а именно: является ли сетевое право отраслью права или нет, входит ли оно в информационное право и покусается ли оно на его основы? Важно другое: в историческом плане почти мгновенно возник огромный пласт

²⁹ См.: Kelly K. New rules for the new economy: 10 radical strategies for a connected world. New York, 1998.

³⁰ См.: Голоскоков Л.В. Принципы сетевого права // Принципы российского права: общетеоретический и отраслевой аспекты. Саратов, 2010. С. 330–356.

²⁸ Большая советская энциклопедия. В 30-ти т. Т. 16. М., 1974. С. 111.

отношений, которые имеют сетевую основу, а право как регулятор никак не успело на это отреагировать.

Поэтому уделим внимание важным теоретико-правовым особенностям, отличающим категорию права от категории сетевого права. В существующей парадигме права норма права может быть создана, доведена до субъекта права и усвоена им только через письменную форму правового текста. Не подвергая сомнению эту данность, мы развиваем в рамках сетевого права идею о том, что качественный скачок в развитии права может произойти, если принять идею о том, что отдельные элементы норм права (размеры налоговых ставок, пошлин и др.) могут, когда это нужно, изменяться в режиме реального времени, доставляться до субъектов права в электронной форме без письменной текстуальной оболочки и мгновенно реализовываться автоматикой. Это необходимо, когда нужно достичь быстроты и точности правового регулирования. Традиционные способы доставки субъектам норм права будут долго оставаться в качестве основных, и концепция сетевого права эти способы не отвергает и не умаляет, но дело в том, что всякому способу соответствует своё время. Пришло время автоматизации некоторых правоотношений и правовых процессов, для чего и необходим феномен сетевого права как права, в котором средствами ИКТ будут многократно усилены его некоторые фундаментальные свойства и функции: предсказуемость, обязательность, оперативность регулирования, точность и быстрота реализации норм права, упреждающее правовое регулирование, которое лучше в таком случае называть правовым управлением.

Особенности правоотношений, которые могут протекать в сетях, заключаются в том, что некоторые из них можно будет автоматизировать путём использования информационных посредников – и-роботов. Этим правоотношениям будет соответствовать не бумажная технология их реализации, а электронная, резко ускоряющая процессы взаимодействия, гарантирующая их протекание в правовом русле без отклонений от нормативных предписаний. В некоторых случаях реализация норм права будет возможна и необходима помимо воли субъектов, если это касается ряда императивных норм публичного права (например, таких как уплата налогов и иных обязательных платежей). Именно здесь наиболее ярко проявится особенность правоотношений, происходящих в сетях. Она будет заключаться в том, чтобы обеспечить мгновенное исчисление и удержание налогов (а также сборов, пошлин, таможенных платежей),

вместо того чтобы придумывать путанные налоговые правила, непрерывно их менять, усложняя налоговое право до предела, а потом тратить огромные средства на поиски неплательщиков налогов, судебные процессы, банкротство фирм, содержание их владельцев под стражей и т.п. Всё это – правовой тупик. Сетевое право даёт ответ на вопрос о путях выхода из него, объясняя цели построения правовых отношений в сетях: максимальное упреждение нарушений норм права средствами автоматизации, постоянное сопровождение человека автоматическими возникающими в нужных случаях сервисами, подсказками правильных вариантов поведения, а самое главное – автоматизация реализации всё большего и большего числа норм права, разумеется, тех, которые подлежат автоматизации и если в такой автоматизации есть смысл. Данное замечание касается в разной степени и таких отраслей права, как бюджетное, таможенное и др.

Рассмотрим сетевое право с точки зрения соответствия его системы традиционной системе права. В качестве структурных элементов системы сетевого права предложим следующие: норма права, субъект права и средства их коммуникации. В более детальном виде эта триада может быть представлена так: 1) элементы норм права и нормы права в электронной форме; 2) субъекты права: личность, организация (в любых её формах), государство и его органы; 3) сетевые правоотношения, сетевые механизмы прямой и обратной правовой связи, киберпространство, ИКТ, компьютеры, электронные архивы, сети, персональные терминалы юридических и физических лиц (метапаспорта), и-роботы. Включение всего этого комплекса в систему сетевого права позволяет преодолеть институциональные разрывы, свойственные традиционному праву, когда в качестве элементов системы права обычно имеют в виду лишь следующие: нормы права, отрасли права, институты права, подотрасли права³¹.

Институциональные разрывы проявляются в том, что в традиционной системе права норма права, созданная законодателем на бумажном носителе, может просто не дойти до адресата – субъекта права, ибо в соответствии с общепринятым взглядом его в системе права просто нет. Правоведы так увлеклись абстрагированием, что не упоминают в числе компонентов этой системы ни субъекта права, ни коммуникационных связей

³¹ См., например: *Байтин М.И.* Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). М., 2005. С. 281.

субъекта с нормой права (отраслью, правовым институтом и т.д.). Разумеется, научный метод абстрагирования правомерен, и мы не критикуем его применение, поскольку позиция эта традиционная и раньше другой быть не могла, а также потому, что по умолчанию метод подразумевает и наличие субъекта, и то, что последний найдёт новую норму права, непременно изучит её и правильно применит. Однако, как показывает жизнь, с ростом сложности законодательства, а также по ряду причин, обусловленных человеческим фактором, этого часто не происходит.

Умолчание теории права о наличии в системе права субъекта и необходимости его коммуникации с нормой права, а через неё с другим субъектом – это дань классическому типу рационального мышления и традиционному изучению общества как субъект-объектных отношений, в то время как необходимо исследовать и межсубъектные связи в рамках неклассического типа рациональности, для которого характерно “признание неразрывного единства субъекта и объекта”³². Абстракции хороши в своё время и в определённых пределах. Сегодня же не стоит забывать и о наличии субъекта, и о том, что пока десятки лет писались учебники по теории права, появилась электронная сеть, которая в некоторых случаях может наладить прочную (а не эфемерную, вероятностную, как ныне) коммуникацию между субъектом и нормой права, а также между субъектами через норму права.

Итак, традиционное понимание системы права до определённого времени нас удовлетворяло, но при решении современных проблем права оно не даёт ответа на вопрос о том, как довести норму права до субъекта права в режиме реального времени, когда очевидно, что норма права, созданная законодателем, должна быть мгновенно получена субъектами, правильно понята и реализована точно в соответствии с замыслом законодателя. Видимо, научное разделение права, субъектов права и информационного обеспечения их взаимодействия способствовало тому, что нормы права и в практике правовой жизни стали в значительной мере существовать сами по себе, в отрыве от субъектов права.

В чём проявляется различие классического и неклассического типов рациональности при рассмотрении системы права в рамках сетевого права? В классической рациональности, которая

применялась при разработке теории права, связь субъекта с нормой права можно построить по следующей схеме: субъект должен каким-то образом (теория не проясняет, как именно, поскольку субъект в ней не упомянут) узнать о существовании нормы права, понять её, а потом в нужном случае правильно применить. Неклассический вариант взаимодействия субъекта с нормой права (а через неё с другим субъектом) в рамках сетевого права будет выглядеть (для тех правоотношений, которые охватываются сетевым правом) точно так же, если субъект узнал, понял и правильно применил норму права. Если субъект на любом этапе допустил ошибку или сознательное уклонение, то норма права не будет реализована. В рамках же сетевого права каждый из этапов может на себя взять автоматика: найти норму права, известить субъект о её существовании, предложить ему варианты выполнения, подготовить все условия для выполнения, настоятельно требовать выполнения с указанием последствий отказа. В некоторых случаях все эти этапы могут быть выполнены автоматически, например система исчислит и уплатит в бюджет оборотный налог при совершении сделки купли-продажи.

Само по себе сетевое право (как любой инструмент) является нейтральным. Вопрос состоит в том, кто, как и для чего будет его использовать. Если его использовать в рамках той же идеологии, согласно которой в 1991 г. законодатель вдруг ввёл налог на добавленную стоимость со ставкой 28%, а на следующие сутки ввёл подоходный налог с запредельной ставкой 65%, что происходило по самому иррациональному сценарию, то с таким подходом инструментом сетевого права через налоги можно моментально уничтожить весь бизнес, и, напротив, его деятельность можно регулировать плавно, разумно, предсказуемо. Если оппоненты сетевого права скажут, что оно предполагает тотальный контроль, то мы можем напомнить ситуацию образца 1937 г., когда не было никаких сетей и компьютеров, а контроль был более тотальный, чем сегодня дают теоретические возможности прослушивания всех сотовых телефонов, просмотра электронной почты и т.п.

Технические новации, позволяющие реализовать идеи сетевого права уже сегодня, сферой права почти не осваиваются. Пока мы многократно, начиная с 2003 г.³³, излагали теорию сетевого

³² Малько А.В., Михайлов А.Е., Невважай И.Д. Методологические основы исследования правовой жизни общества // Правовая политика и правовая жизнь. 2002. № 3. С. 16.

³³ См.: Голоскоков Л.В. Концепция развития права и правовой доктрины государства в период формирования информационного общества // “Чёрные дыры” в рос. законодательстве. 2003. № 1. С. 411–421.

права в разных аспектах, произошёл финансовый кризис 2008 г., который показал, что идеи теории не оторваны от жизни. Более того, реалии были бы не столь печальны, если бы теория сетевого права хотя бы частично была реализована на практике. Так, Председатель Правительства РФ В.В. Путин, разбирая последствия установления компанией “Мечел” монопольно высоких цен, отметил, что работа, проведённая ФАС России, – это ручное управление, а нужны такие нормы права, которые автоматически регулировали бы ситуацию. Однако это некий идеал для традиционного права, ибо законы часто устаревают, но продолжают действовать. Когда регулируемые процессы сложны, динамичны и оказывают сильное и быстрое воздействие на экономику, такой идеал не всегда достижим. В этом случае необходимо применять в полную силу ИКТ, чтобы органы государства могли в реальном режиме времени получать информацию, обрабатывать и быстро применять в управлении, которое тогда можно назвать, например, “ручным”, но при этом оно будет быстрым и эффективным.

Здесь сетевое право предлагает новую модель взаимодействия правовой науки и управленческой практики: информация из министерств и ведомств должна стекаться в “независимый орган”, обрабатываться компьютерами, представляться его специалистам в удобной форме, после чего они за считанные часы должны создавать математические модели, обыгрывать их на компьютерах, а затем превращать исследовательский материал в новые знания и не публиковать их, как ныне, с надеждой, что власти прочтут научную статью или монографию и когда-то применят добытые наукой знания, а сразу отправлять управляющее воздействие в виде изменённых числовых параметров (элементов норм права) в сеть для исполнения на территории всей страны или конкретного региона. Это – идеал сетевого права. Конечно, не отменяется и обычный способ донесения обществу научных результатов – через публикации, содержащие, в частности, анализ ошибок и успехов управленческой работы по мгновенному принятию решений.

Нужда в таком идеальном инструменте ярко проявилась в период финансового кризиса 2008 г., когда власти неоднократно использовали “ручное управление”, к которому можно отнести остановки торгов на бирже, внеплановое вливание наличности в финансовую систему, предоставление особых полномочий Центробанку и его финансовым комиссарам в коммерческих банках и др. При этом Президент РФ Д.А. Медведев часто высказывал следующую мысль: “Скорость стоит очень дорого, поэтому прошу думать об этом в ежедневном режиме”³⁴. Но это – пожелание, не подкреплённое механизмом. Сетевое же право представляет собой именно такой механизм, который и обеспечит быстрое правовое управление, но для этого нужен орган, способный принимать решения и мгновенно их реализовывать. Такой орган должен получить некоторые функции разных ветвей власти, полномочия по правотворчеству отдельных норм (элементов норм) права, доведению их до субъектов права через сеть, анализу реализации норм права и выработке скорректированного решения. Этим он должен заниматься 24 часа в сутки. Службу оперативного управления, которая круглосуточно опекает жизни сотен или тысяч людей, имеют “Скорая помощь”, полиция, МЧС, но не имеет сложнейшая структура – многомиллионная страна, где постоянно возникает нужда в быстром правовом регулировании на федеральном и региональном уровнях. Это надо исправлять.

Кризисы стали обычным явлением, и опора только на хороший закон, который спасёт от “ручного управления”, не всегда возможна. Поэтому следует модернизировать право адекватными методами. И хотя теория сетевого права строилась на предположении о том, что столь мощные инструменты правового управления власть будет использовать разумно, честно и на пользу всему народу, а не отдельным группам людей, назрела необходимость разрабатывать и раздел теории сетевого права о защите прав и свобод человека путём применения сетевых же технологий. Но это – предмет следующих исследований.

³⁴ Программа “Вести”. 2008. 6 окт. 20 час.